

Хочу быть честным

Автор:

Владимир Войнович

Хочу быть честным

Владимир Николаевич Войнович

«Каждое утро без четверти семь на моем столе звонит будильник, напоминая мне о том, что пора вставать и идти на работу. Ни вставать, ни идти на работу я, естественно, не хочу. На дворе еще ночь, и забрызганное дождем окно едва видно на темной стене. Я дергаю шнур выключателя и несколько минут лежу при свете, испытывая первобытное желание чуточку подремать. Потом опускаю на пол ноги – сначала одну, потом другую. С этого момента начинается медленный процесс превращения меня в современного человека...»

Владимир Войнович

Хочу быть честным

Мой друг, мой друг надежный,

Тебе ль того не знать:

Всю жизнь я лез из кожи,

Чтобы не стать, о Боже,

Тем, кем я мог бы стать...

(Генри Лоусон, австралийский поэт)

Каждое утро без четверти семь на моем столе звонит будильник, напоминая мне о том, что пора вставать и идти на работу. Ни вставать, ни идти на работу я, естественно, не хочу. На дворе еще ночь, и забрызганное дождем окно едва видно на темной стене. Я дергаю шнур выключателя и несколько минут лежу при свете, испытывая первобытное желание чуточку подремать. Потом опускаю на пол ноги – сначала одну, потом другую. С этого момента начинается медленный процесс превращения меня в современного человека.

Сначала я сижу на кровати и, бессмысленно глядя в какую-то неопределенную точку на противоположной стене, почесываюсь и вздыхаю, широко раскрывая рот. Во рту противно, в груди клокочет – должно быть, оттого, что я слишком много курю. Болит сердце. Вернее, не болит, просто я чувствую его. Кажется, что под кожу вложили круглый булыжник. Если бы кому-нибудь со стороны посчастливилось наблюдать меня в эту минуту, я думаю, он получил бы немалое удовольствие. Вряд ли на земле бывает что-нибудь более нелепое, чем мое лицо, моя фигура и та поза, в которой я нахожусь в это время. Потом я начинаю шевелить босыми пальцами, развожу в сторону руки и делаю другие манипуляции. На полу под батареей лежат гантели, которые я купил в прошлом году. Они покрыты толстым слоем пыли и кажутся большими, чем на самом деле. Я давно уже ими не пользуюсь, и то, что они покрылись пылью, меня несколько оправдывает – не хочется пачкать руки. А когда-то я умел и заниматься гимнастикой, и выбегать на улицу при скатке, автомате и всей другой амуниции через три минуты после подъема. Старшина Шулдыков, который первым учил меня этому, говорил, бывало: «Вы у меня и на гражданке будете за три минуты вскакивать. Я вас этому научу. Это моя цель жизни».

Если другой цели у него не было, можно считать, что жизнь старшины Шулдыкова прошла совершенно бесследно.

Размышляя об этом, я провожу рукой по щеке и обнаруживаю, что мне не мешало бы побриться. Щетина лезет из меня с поразительной быстротой. Тот, кто видит меня вечером, ни за что не может поверить, что утром я был выбрит до блеска. Бриться я начал лет с шестнадцати, и еще в школе меня прозвали «волосатый человек Андриан».

Электрическая бритва «Нева» жужжит так сильно, что пенсионер Иван Адамович Шишкин просыпается за стеной и начинает деликатно покашливать, намекая на то, что хулиганить в моем возрасте стыдно. Помочь ему я ничем не могу и мужественно продолжаю начатое дело, пользуясь при этом небольшим круглым зеркалом в железной оправе. Откровенно говоря, зеркало приносит мне мало радости. Из него на меня смотрит человек отчасти рыжий, отчасти плешивый, более толстый, чем нужно, с большими ушами, поросшими сивым пухом. В детстве мать говорила мне, что такие же большие уши были у Бетховена. Вначале надежда на то, что я смогу стать таким, как Бетховен, меня утешала. В ранней молодости я стыдился своих ушей. Теперь я к ним привык. В конце концов, они не очень мешали мне в жизни.

Побрившись, я иду в ванную, долго и старательно умываюсь водой, холодной настолько, что пальцы краснеют и перестают разгибаться.

Потом надеваю резиновые сапоги, свитер, пиджак, прорезиненный плащ, лохматую кепку и выхожу на лестницу. Из почтового ящика, который висит на дверях, вынимаю письмо. Это письмо от матери. Я его прочту на работе.

2

На дворе начало октября. Небо сплошь затянуто тучами. Рассвет еще не наступил и, кажется, никогда не наступит. Трудно поверить, что солнечные лучи могут пробиться сквозь эту непроницаемую серость.

А город уже живет. Тысячи людей, подняв воротники или раскрыв зонтики, бегут по улице, осаждают сверкающие от дождя автобусы, ныряют в проходную табачной фабрики. Посмотришь на них – и страшно становится: откуда столько народу?

Большая толпа стекается к переходу, готовая ринуться в первый же просвет между потоками автомобилей, которым, кажется, тоже нету конца. В этой толпе я пересекаю широкую улицу и попадаю в большой полустеклянный, полуметаллический колпак – кафетерий, или попросту забегаловку. Внутри забегаловки буфетная стойка, несколько высоких столиков на железных ногах.

Цементный пол усыпан толстым слоем серых опилок.

Длинная очередь тянется вдоль буфета. Люди топчутся, ежатся, потирают руки. От намокших плащей и пальто поднимается пар.

За стойкой возвышается Зоя – высокая девушка с гладкой прической. Она бросает мелочь в пластмассовую тарелку, выдает сдачу, бойко орудует блестящими рычагами кофейного агрегата. Может быть, ей кажется, что она стоит у пульта управления атомным кораблем.

Увидев меня, Зоя радостно улыбается, открывая красивые ровные зубы. Едва ли я нравлюсь ей. Ее улыбка объясняется более просто – я ее постоянный клиент.

– Вам – как всегда? – спрашивает Зоя.

– Как всегда, – говорю я.

В обмен на протянутый ей полтинник она выдает мне сосиски с капустой, кофе с молоком и булочку с маком. Очередь шумит и волнуется, но Зоя успокаивает ее:

– Это наш работник. – И улыбается.

Может быть, я ей действительно нравлюсь. В этом нет для меня ничего неожиданного, я нравлюсь многим женщинам, потому что я высокий и сильный, хорошо зарабатываю и не злоупотребляю спиртными напитками.

З

Недалеко от последней остановки автобуса начинается большое пространство, разгороженное дощатыми заборами. Это наши местные Черемушки.

На одном из заборов висит большой фанерный щит с надписью: «СУ-1. Строительство ведет прораб т. Самохин».

А рядом афиша:

«Поет Гелена Великанова».

Тов. Самохин – это я. Гелена Великанова никакого отношения ко мне не имеет, просто рекламбюро решило использовать свободную полезную площадь.

Гастроли певицы кончились, вчера она уехала из нашего города. Скоро афишу снимут. Щит с моей фамилией тоже исчезнет. Дом, который я строю, почти готов к сдаче. Вот он стоит за забором пока что пустой, с потемневшими от дождя стенами из силикатного кирпича.

Неподвижный башенный кран тянет шею в мутное осеннее небо. Кран мне уже не нужен, надо будет вызвать из треста «Строймеханизация» монтажников, пускай его разберут.

В правом крыле здания на одной из дверей первого этажа четвертой секции висит бумажная табличка: «Прорабская». Здесь я обычно и нахожусь ежедневно с половины восьмого до пяти. Довольно часто меня здесь можно найти и в десять, и в одиннадцать, и в двенадцать ночи, потому что рабочий день у меня не нормирован.

В прорабской накурено – дым коромыслом. Свет лампочки едва пробивается сквозь плотные слои дыма. Рабочие, собравшиеся здесь, разместились кто на табуретках, кто на длинной скамейке, кто просто на корточках вдоль стен и у железной печки. Звено штукатуров Бабаева в полном составе лежит на полу.

– Хотя бы форточку открыли, – ворчу я, пробираясь к столу, стоящему у окна.

Никто не обращает на меня никакого внимания, я открываю форточку сам. Дым постепенно рассеивается. С улицы тянет сыростью.

До начала работы еще полчаса, каждый проводит их как умеет. Бригадир Шилов сидит на ящике из-под гвоздей и сушит у печки портянки. Бабаев листает книгу, готовясь к занятиям в университете культуры, подсобница Катя Желобанова рассказывает своей подруге Люсе Маркиной, что летом на пляже видела артиста Рощина и что он, оказывается, лысый, а когда поет по телевизору, наверное,

надевает парик.

У окна стоит Дерюшев – толстый рыхлый увалень в армейском бушлате. Сопя от натуги, он пытается согнуть железный ломик, вставленный одним концом в щель между ребрами батареи парового отопления. Рядом с ним паркетчик Шмаков, прозванный Писателем за то, что зимой ходит без шапки.

– Давай-давай, – подзадоривает он Дерюшева. – Главное – упирайся ногами.

– Ты что делаешь? – спрашиваю я Дерюшева.

Дерюшев вздрагивает и застенчиво улыбается.

– Да ничего, Евгений Иванов, балуемся просто.

– Эх, Дерюшев, Дерюшев, – сокрушенно вздыхает Писатель, – с такой будкой не можешь ломик согнуть. Придется, видно, тебя к Новому году на сало зарезать. Вот Евгений Иванов запросто согнет, – подзадоривает он меня.

Он обращается ко мне слишком фамильярно, мне хочется его одернуть, но я думаю: «А почему бы, в самом деле, не попробовать свои силы? Есть еще чем похвастаться».

– А ну-ка дай.

Я беру у Дерюшева ломик, кладу на шею и концы его тяну книзу. Чувствую, как гудит в ушах и как жилы на шее наливаются кровью.

Согнутый в дугу ломик я бережно кладу на пол. И не могу удержаться, чтобы не спросить:

– Может, кто разогнет?

– Вот это сила, – завистливо вздыхает Дерюшев и незаметно пробует свои рыхлые мускулы.

Катя Желобанова смотрит на меня с нескрываемым восхищением. Артист Роцин вряд ли согнул бы ломик на шее.

А я задыхаюсь. Сердце колотится так, словно я пробежал десяток километров. Что-то со мной происходит в последнее время. Чтобы скрыть одышку, сажусь за стол, делаю вид, что роюсь в бумагах.

Писатель продолжает донимать Дерюшева.

- Вот, Дерюшев, - говорит он, - кабы тебе такую силу, ты б чего делал? Небось в цирк пошел бы. Скажи, пошел бы?

- А чего, - задумчиво отвечает Дерюшев, - может, и пошел бы!

- А я думаю, тебе и так можно идти. Тебя народу за деньги будут казать. Каждому интересно на такую свинью поглядеть, хотя и за деньги.

Писатель смеется и обводит глазами других, как бы приглашая посмеяться с ним вместе. Но его никто не поддерживает, кроме Люси Маркиной, которая влюблена в Писателя и не скрывает этого.

- Шмаков, - говорю я Писателю, - в третьей секции ты полы настилал?

- Ну я. А что? - он смотрит на меня со свойственной ему наглостью.

- А то, - говорю я. - Паркет совсем разошелся.

- Ничего, сойдется. Перед сдачей водичкой полъем - сойдется.

- Шмаков, - задаю я ему патетический вопрос, - у тебя рабочая гордость есть? Неужели тебе никогда не хочется сделать свою работу по-настоящему?

- Мы люди темные, - говорит он, - нам нужны гроши да харчи хороши.

Он говорит и ничего не боится. Уговоры на него не действуют, угрожать ему нечем. На стройке каждого человека берегут как зеницу ока. Да и не очень-то

сберегают. Приходят к нам демобилизованные да те, кто недавно из деревни. Придут, поработают, пообсмотрятся и сматываются – кто на завод, кто на фабрику. Там и заработки больше, и работа в тепле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/voynovich_vladimir/hochu-byt-chestnym

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)